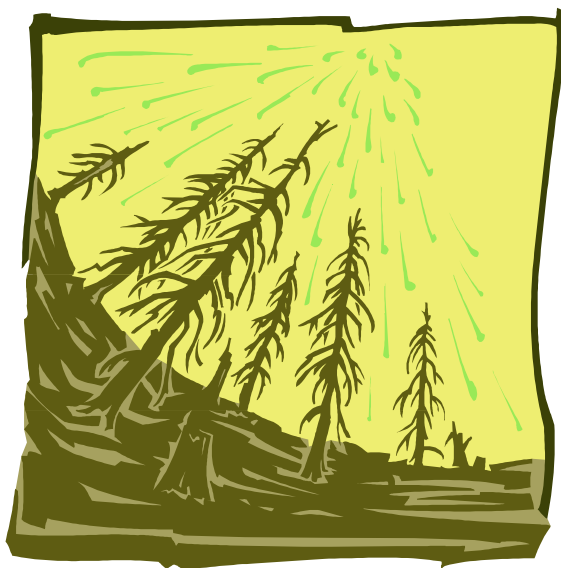

Любовь измеряется мерой прощения,
привязанность – болью прощания.
(Владимир Леви)

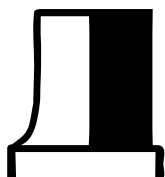
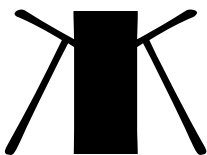
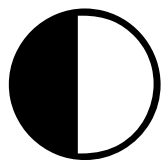
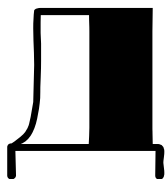

Лето '98

№ 5

**Как мало нужно для счастья,
если учесть, что горе – от ума.**

Размышления о дожде во время дождя.

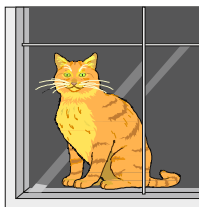
Опять за окном полил дождь, и мой дом вновь наполнился любимой ещё с детства дробью разбивающихся о подоконник капель. Каждый дождь всякий раз бьет по окнам, стучится в дома, словно прося о помощи. Выйдешь на улицу – и по тебе начинают медленно стекать чьи-то слезы. Что это – холодная вода океана грёз или расплавленный хрусталь чьих-то надежд? Где-то вдалеке проплывают белые облака как парусники мечты, но из них никогда не льет вода. А сейчас...

Мир как бы разделяется на две части: там, за дождем, где светит солнце, растут цветы или просто кто-то кого-то ждёт; и здесь, где я в одиночестве слушаю музыку серебряных капель. И некуда идти – ведь куда бы ни пошел – везде будут только лужи, отражающие свинцовые тучи. Но всё равно радостно от того, что после дождя где-то расцветут ромашки или может быть кто-то придет.

Вечереет... Лиловый мрамор туч постепенно растворяется в тёмном пространстве неба, и откуда-то издали появляется сонный глаз луны, словно и у неё за окном идет дождь, и она тоже в одиночестве кого-то ждёт. А между нами протянулись мириады нитей какой-то таинственной и хитроумной водяной паутины.

Дождь постепенно стихает. Равнодушный ветер вновь погнал в неведомые края своё серое войско, и огромные пауки потянули за собой свою прозрачную паутину. И кто знает, где они снова прольют свою живительную влагу – то ли над бескрайним морем, то ли над чьей-то пустыней. Неизвестно. А на небе уже радостно засверкала Большая Медведица.

Prince Of Silence.

*Посвящается “странной девчонке”
однажды приехавшей поздней осенью
в наш древний город...*

...Я сижу на подоконнике, и смотрю на людскую суету за окном. Мяу! Простите, забыл представиться: я – это пушистый кот, сине-пепельного цвета, в полном расцвете сил, как говорил какой-то чудака с вентилятором на спине, который живет в странном ящике. Хотя он утверждал, что живет на крыше: я на многих крышах бывал – его там не видел. Но я не удивляюсь, в этом ящике много странностей. Сами рассудите: как может помещаться столько людей в такой маленький ящик, в котором даже мне было бы мало места. Но я туда и не собираюсь, потому что я люблю свободный простор. Это люди любят сажать себя в ящики, и хвастаться перед другими, в каком классном ящике они сидят; а когда кто-то прозревает и пытается вылезти из ящика, что бы гулять как кошка, люди-ящики вокруг начинают возмущаться по поводу неуважительного отношения данного оригинала к концепции ящиков. Люди удивляются: вроде жить не тужить, и вроде жив и здоров, так откуда берется печаль? Очень жаль, что они не понимают, что запирая себя в четырех стенах, они остаются наедине с печалью. Мяу! Но есть на свете и свободолюбивые люди-кошки. Вон за окном идет яркая представительница людей-кошек – моя хозяйка. Я называю ее хозяйкой, потому что в вашем языке нет аналога кошачьего “Мррмяу”. Что говорить если вы выражаете это слово четырьмя буквами, а в кошачьем языке существует тысячи оттенков. В вашем языке тоже есть оттенки, но люди привыкли выражать свои чувства сложностью употребляемых слов. Кто больше наплетет слов, да и еще чем сложнее будет сплетенный клубок, тем больше он “заслуживает” на звание поэт. До сих пор не могу понять смысл слова “поэт”. Кто-то когда-то поэтов назвал стихоплетами, мне ближе по смыслу словоплет. Они из слов плетут замысловатую мозаику, как плетут ремесленники коврики. Только на коврике спать уютнее, а от словесной мозаики мне не становится ни теплее ни уютнее. Когда вы одним словом “Мийяу” заставляете трепетать свою кошечку от тех чувств, которые вложили в это слово, вот это я считаю истинной поэзией.

Я люблю свою хозяйку. Мийяу! Она меня называет Мурзик, это созвучно с кошачьим “Муурр”, что означает милый, любимый.

Поворот замка, она входит, я уже жду ее у двери. Мяу! Она разувается, берет меня на руки и несет в комнату, садиться за стол. Взяла бумагу, ручку, и начала писать свой очередной “писательский труд”. За окном начался дождик, настроение у хозяйки аналогичное. Я сижу на краю стола, облизываю лапки, мою мордашку – готовлю себя к серьезной работе: исправлению настроения хозяйки. Так и есть: исписав полстраницы, она отбросила ручку, скомкала лист бумаги и бросила его в угол. Мяу! Зачем же так переживать: пройдет дождик и будет снова светить солнышко. “Мяу!” – прищурился глазки, тихо говорю я, ненавязчиво привлекая к себе внимание. Она берет снова меня на руки и пересаживается в кресло. Я удобно располагаюсь у нее на коленях. Она начинает гладить меня – я в ответ довольно мурлыкаю. Постепенно она засыпает. Я вижу ее сон. Кошки намного пронзительнее, чем думают люди. Сон радостный. На ее лице засияла улыбка. Я перестаю мурлыкать и тоже погружаюсь в сон.

Когда она проснется на улице будет светить солнышко. Она мне улыбнется, я лениво потянусь, и мы вместе пойдем гулять. Я по крышам, вдыхая свежесть свободного ветра, она по парку, вдыхая свежесть мокрой листвы. Но душой мы будем вместе.

С УБЕРСАТ.

МЕДЯКИ

"Все-таки пришла... Ты мерзнешь своими трещинами под сухими опавшими листьями, скелеты которых я безжалостно ломаю. Тебе зябко без гнилого одеяла, дающего тепло. Все-таки жалко – протянула руку и просишь милостыню у скупых прохожих. А им наплевать на твоё существование, – думала маленькая фигурка, поднимавшая вихрь из листьев. А они безжизненно прилипали к земле... – Конечно, для них ты просто дождливая осень. Одиноким дождь бросает град медяков в твою руку. А люди бегут, втянув головы в высокие воротники плащей и курток, пытаюсь побыстрее добраться домой, побыстрее спрятаться от тебя".

Она брела одна. Подняв зонтик над головой, она старалась спрятаться от дождя и ветра, но, наверное, над чем-то задумавшись, не обращала внимание на то, что зонт давно уже сломан и капли падают ей на голову, покрывают тонкой сеточкой плащ, окутывают ее легким туманом.

Девушка была среднего роста, стройная, отличная фигурка угадывалась под серым плащом, туго затянутом поясом на талии. Черные вьющиеся волосы были аккуратно собраны в узел, но ветер то и дело выхватывал какую-то прядь и долго играл с ней.

А она ничего не замечала, лишь изредка быстрым движением поправляла волосы под белый беретик, который оттенял и смуглую кожу лица, и миндалевидные карие глаза с тоненькими изогнутыми бровями.

Что делала она здесь в такую погоду в этих плохо освещенных закоулках большого города? Она и сама этого не знала. Просто бродила... Мысли путались в голове, душа ждала чего-то светлого, радостного, детского. Хотелось праздника. Не большой шумной вечеринки с тортом, чаем и сигаретами, а праздника ощущений, взрыва эмоций, фантазии, чтобы внутри что-то освещало своим теплом и светом всё вокруг.

Хотелось мчаться, как на последний троллейбус, черт знает куда, хотелось смеяться в лицо будням и этому дождю, хотелось спешить жить. А может быть, хотелось просто сбросить с себя скорлупу, охраняющую от повреждения самое сокровенное, это свое второе "я", и обнажить душу. Хотелось и не хотелось одновременно. Все-таки оставался страх при мысли о том, что не поймут, что сама не в силах отдать это другим, что испачкают чистыми руками самое святое. "Не ребенок справлюсь сама. Чего же ты ищешь, человек? Что никак не можешь найти?" – не раз спрашивала она себя. А на улице просто шел дождь.

Резкий холод вернул ее в чувство – туфли были полны воды, а она никак не могла выбраться из лужи, которая узурпировала пол-улицы. Пора домой. Туда, где всё всегда слишком хорошо, где всё безоблачно, где всё является примером для многих, где просто цинично играют в чувства. Всё ушло. А было ли оно? Память выкрала лоскут детства: отец и мать, взяв ее за руки, идут в гости к бабушке. Все улыбались, отец что-то нежно шептал маме на ухо, а у счастливой маленькой девочки был самый красивый в мире ярко-розовый бант и самые лучшие родители. И вот она уже выросла, ничего не изменилось, вот только бабушки уже нет. Но как-то всё наигранно: и заботы родителей друг о друге, и их шутки, фальшь даже в улыбках утром. Где же их праздник? Но разве праздничные дни должны быть всё время? Пропать, выработанная привычкой, расширилась...

Она любила бродить в такую погоду, а может, просто не хотелось думать среди всезнающих стен многоэтажных коробок. В памяти всплывали прожитые годы, теплые воспоминания бредили душу. Как-то всё вмиг оборвалось, бешено завертелось и резко остановилось, стало далеким и призрачным. Разлетелись друзья, знакомые, подруги. А какая жизнь у нее в ее двадцать четыре года? Хотелось скупой ласки, поддержки, а порой ничего уже не хотелось.

Мимо промчался троллейбус, и она наконец-то заметила, что вышла на центральную улицу и идет по проезжей части.

— Девушка, помоги мне. Умираю с голода, кушать хочу. Помоги мне, да благословит тебя бог. Хоть десять копеечек... Дети дома, жить же как-то надо,

Что-то дергало ее за рукав. Она молча повернулась и рассеяно посмотрела на человека, который тянул ее за рукав. Так же моросил дождь, так же падали листья ладошками вниз.

— Девушка, ну дай хоть что-нибудь, ну хоть 5 копеек, ты слышишь? На остановке под тусклым светом фонаря никого не было, кроме их двоих. “Поздно уже... Где же троллейбус?”, – и девушка закуталась поглубже в вымокший плащ. А потом молча уставилась на прохожего, продолжавшего терзать ее.

— Тебе тоже нужны эти жалкие медяки? Порывшись в кармане, она бросила мелочь в протянутую руку.

— Не у всех они есть... всё же спасибо тебе... человек пытался словить ее руку... Будешь ты жить долго, вот только не найдешь то, что ищешь, а искать будешь всегда, но ты...

— Уходи, не надо. Да отстань же! Не нужна мне твоя благодарность. Глупости это. Почему-то вспомнилась фраза: “Благодарность – свойство собачьей природы”. Стало как-то не по себе, что можно так подумать о человеке. Она начала присматриваться к незнакомцу, точнее незнакомке. А та, отойдя на несколько шагов, быстро сортировала пальцами копейки. Перед ней стояла женщина лет пятидесяти пяти. Лицо ее было до того обезображено морщинами, что ей пришлось долго вглядываться в нее. Из-под рваной бобровой шапки на нее смотрели жалкие слезливые глаза, потом вырисовывался контур дрожащих губ, обвислых щек. От нее настолько сильно несло перегаром, что девушке пришлось отступить.

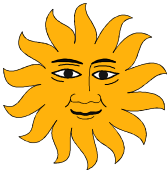
Подошел очередной троллейбус. Задняя площадка была едва освещена. В салоне сидело несколько человек. Она молча смотрела на ночной город с его тысячами окошками, на качающуюся походку удалявшейся нищей, на ветер, поднимающий листья и водящий с ними хороводы.

Двери резко распахнулись и ей опять захотелось туда, на улицу. Неоновыми вывесками сияли супермаркеты и витрины магазинов. Она уткнулась лбом в запотевшее стекло старенького киоска звукозаписи. Длинные вереницы правильно расставленных кассет, у каждой своя ячейка, номер, год, название. Странные слова долетели до уставшей души:

“... И всё только сон,
Гарсон номер два...”

Мама.

КАЗКА

Коли ще то я був маленький, то всі казали, що я “малий”, а діду Галилей, що жие на горі, тільки сміявся у вуса: “Може то є яка біда? Ніц не бачу я біди”.

— Йдемо, — казав діду, — побачиш бо неба, і як боже проспав побачиш.

— Як це боже може то проспати? — питався я його.

— Ходімо бо. Ніц не вартий воно, коли то воно неба не бачило. Тільки сказав це дід Галилей, аж на небі як то спалахне! Я сам видів, бо пролетіло щось як вітер, тільки смужка в небі. Жовта.

— Ось, — каже діду, — знаєш що то є?

— Ні, — кажу, — не знаю.

— А ото з неба до нас каменюки сипляться. Отак. А боже їх ловить, щоб не побило нікого тими каменюками. А коли ото воно непобаченим повз пролетить — радіє, малює тоді ті жовті смужки. Зараз їх багато від бога втікає, все небо жовте, тому й місяць зветься — жовтень.

Аж тут знову щось з неба — шась!

— От, кажу, — як недобре є то позіхати богіві, бо каменюка то ж може і до потилиці вцілити, а як то я головою повертати буду? Ні, діду, ви будь тут, бо то є опасно, а я піду каменюки з дороги позабираю. Або зачепиться хто, ніц не видно ж, то може і носа побити так просто.

Ходив я ходив, аж ось знову на небі — шась! Біля мене щось — бух! Аж ніц не видно стало. Аж ні, думаю, що то є, коли тут бух, а я не видів? Протираю я очі, а тут сидить дівча якесь, і дивиться.

— Ти що, — кажу, — каменюка?

— Сам ти каменюка!

— Чом то я таке є?

— А чого мене про те питаєш?

— Логічно, — чомусь зрадів я, та й пішов геть.

Аж потім стрів діда Галилея, та переказав йому все, що сталося, що нема ніде порядку, і про те, що боже отаке прогавив. А діду сказав, що то не бог прогавив, а я.

Ось тобі і так.

Le Vent.

Картинная галерея «ВЕТРА»

© 1998 CyberMax (рендеринг) & Prince Of Silence (идея)

Все авторские права на произведения принадлежат их авторам.
Разрешено свободное распространение в любом виде при условии
неизвлечения коммерческой выгоды.

Полное или частичное использование материалов в других печатных или
электронных изданиях разрешается только с согласия авторов.

Отклики, идеи и предложения пишите на E-mail: profs@au.ru.

Благодаря им эта газета может стать лучше и интереснее.

Internet-версия газеты: <http://banzai.ussr.to>

Большое спасибо всем, кто помогал в реализации этого проекта.

© & © 1998 Prince Of Silence